

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.Ю. ЛЕБЕДЕВА

(Елец)

**АНГЕЛИЧЕСКАЯ ТЕМА
В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. НАБОКОВА:
ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Представлен анализ ангелической образности в ранних набоковских стихотворениях в русле ее связи с смертностью. Рассматриваются оппозиция «светлые ангелы vs падшие», их портретные характеристики и функции (защита, встреча после смерти, введение в искушение, запугивание, разрушение и т. д.). Анализируется также соответствие набоковской ангелической образности христианским канонам.

Ключевые слова: *библейский код, метафизика, оппозиция, поэзия В. Набокова, танатология.*

В. Набоков больше известен как прозаик, однако, по наблюдению А. Долинина, именно поэтические навыки позволили ему выработать «особую технику структурирования прозаического текста как квазипоэтического единства, пронизанного значимыми повторами, перекличками, рифмами ситуаций, разветвленными лейтмотивами» [3, с. 17]. В не меньшей мере интересна проблематика его лирики: любитель словесной игры в своих прозаических текстах, в стихах он более прямолинеен и открыт, поэтому глубокое ее изучение позволяет лучше ознакомиться с генезисом и анатомией набоковского творчества в целом.

З. Шаховская в свое время определила писателя как «метафизика небытия» [13, с. 173] – смертная тематика занимает важнейшее место в его дискурсе, и она напрямую связана с темой потусторонности: неслучайно Набоков назвал земную жизнь «только щелью слабого света между двумя идеально черными вечностями» [5, с. 145]. Потусторонность, в свою очередь, нередко связана в его художественном сознании с библейским дискурсом. В ранней лирике Набокова обнаруживается множество христианских тем и образов – впоследствии они уйдут в подтекст, и писатель будет предпочитать «непрямое высказывание» [1, с. 314].

Как отмечает О. Федотов, диапазон ангелической темы в ранних стихах очень широк – от «комического снижения» до «трагического сгущения» [12, с. 31]. Исследователь протягивает семантические нити как к христианству, так и к язычеству, с чем мы позволим себе не согласиться. Безусловно, в стихах Набокова встречаются образы из греческой мифологии (дриады, фавны, музы, Дедал, пан, Вакх с «рыжей шерстью» на груди, Пегас с гривой как Млечный путь, лай Дианы), еврейской (Лилит), кельтской (эльф, фея), египетской (Изида), славянской (русалка, жар-птица, водяной, леший, «лешеночки», Кошей). Однако мы полагаем, что автор, временами помещавший в единое пространство лирического текста персонажей из разных религиозных дискурсов, не допускал их взаимозаменяемости.

В ранних набоковских стихах фигурируют как светлые ангелы, так и падшие, и их образы часто (но не всегда) соответствуют канонам. Цикл «Ангелы», посвященный девяти чинам, свидетельствует о знакомстве автора с приписываемым Дионисию Ареопагиту трудом «О небесной иерархии». Противоречие обнаруживается только в первом из девяти стихов («Серафимы»): *Другие – с высоты / упали в этот мир, и на земле их много: / живые отблески небесной красоты, / хвала, предчувствие сияющего Бога, / и пламенной любви блаженная тревога, / и вдохновенья жар, и юности мечты* [8, с. 517]. Речь, по всей видимости, идет о падших ангелах, и восприятие их, подобное представленному выше, в христианстве интерпретируется как духовное оболечение. В остальных стихах цикла этого уже не наблюдается; кроме того, там выстраиваются оппозиции: *ангелы Власти vs слуги сатаны*, *Архангелы vs ночной бес*, *Ангел-Хранитель vs девы на дне моря* (темные силы в прельщающем облике). В них *посланник чуткий* Бога помогает бороться с *гибельными страстями*, грехами, *виденьями зла*, а также с внешними врагами – демонами. Инфернальные духи проявляют особую активность в темное время суток и во сне: *И льстива, и страшна ночного беса власть* («Архангелы») [Там же, с. 522]. Светлые ангелы, напротив, защищают, напоминают о небесном, изгоняют *слуг сатаны*. В этом контексте художественная танатология автора увязывается с проблемами соблазна, одержимости страстями, уязвимости человека в «неурочные часы» и в онейрическом состоянии и

обусловленностью всего этого воздействием темных сил.

Духовное противостояние явлено и в оппозиции «слово vs антилогос (пустословие, косноязычие, абсурд, немота)». Например, в стихотворении «У камина» наблюдается концентрация витальных образов: *Серафимом незримым согреты, / оживают слова, как цветы* [8, с. 584], а в стихотворении «Откуда прилетел? Каким ты дышишь горем?..» (в пер. И. Бродского – “Demon”) inferнальный персонаж, который не просто является лирическому герою, а контактирует с ним в привычной для себя роли соблазнителя, убеждает того замолчать: *Не насытишься ты звуками. Не трогай / натянутых тобой нестройных этих струн. // Нет выше музыки, чем тишина* [7]. Завершается стихотворение одиночной строкой: *Исчез он. Тает ночь. Мне Бог велел звучать* [Там же]. В. Куллэ и С. Николаев, сопоставившие оригинал и перевод, приходят к выводу о соответствии образа темного духа религиозной традиции. Первый противопоставляет его «романтическому» лермонтовскому и полагает, что он «принимает мир, сотворенный Тем, против Кого он восстал, и лишь лукаво призывает не участвовать в его восхвалении» [4]. Второй, помимо лермонтовского кода, усматривает в произведении полемику с “Silentium!” (не только тютчевским, но и, возможно, мандельштамовским), полагая, что персонаж Набокова – не таинственный «древний языческий злой дух», а «скорее, дьявол христианства, бес, искушающий юного певца соблазном тишины <...>. В поединке с Богом он безоговорочно проигрывает» [10]. С. Николаев обращает внимание и на «смысловую асимметрию» – почти всю текстовую ткань занимает диалог лирического героя и демона, а Бог упомянут лишь в последней строке. Такая асимметрия в целом характерна для набоковской вселенной, где подробная прорисовка облика и повадок inferнальных существ призвана, помимо прочего, показать их ограниченность и тварность (сотворенность), а минимальная экспликация образа Бога обусловлена идеей несоизмеримости твари и Творца. Бог всеведущ, всеведущ и непознаваем (эта идея также нашла отражение в ранних набоковских стихах): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1: 8).

В рассматриваемом стихотворении у демона *уста... как мертвые, бледны, а крылья пахнут морем* [7]. Этот портрет вполне укла-

дывается в рамки традиции. Кроме того, Набоков посредством поэтического описания *уст* маркирует ложь: к молчанию призывает неспособный на Слово из-за своей духовной гибели. Ольфакторный образ – запах моря – возможно, отсылает к левиафану (Иов. 40: 20 – 41: 26).

Фигуры ангелов репрезентируются и в прямой взаимосвязи с физической смертностью – известно, что Набоков полагал ее только переходом в инобытие. Представители светлых сил в таком контексте выступают как встречающие поодиночке или целой *ратью* перешагнувшего танатологический порог («В раю», «Смерть»). Не обходит вниманием автор и апокалипсический образ вострубившего ангела: *И огненный промчитя вестник, / взвив тонкую трубу свою, возвещая всеобщее воскресение и сверхчувственное прозрение* – Набоков называет восставших *ясновидящими* («И утро будет: песни, песни...») [8, с. 600].

Представители темной стороны показаны носителями смерти. В стихотворении «Крушение» дочери машиниста приснился кошмар: *Двое ангелов на гибель громадный гнали паровоз* [Там же, с. 568] Очевидно, из какой категории эти духи, радующиеся человеческой смерти и жаждущие ее ускорить. Впечатление усиливают их портреты, имеющие явные хтонические черты: один сиял *перистым пожаром*, второй был покрыт *стальной чешуей* (в набоковском дискурсе встречается оппозиция «золото vs железо», восходящая к представлениям о текстуре ключей от рая и ада). Паровозные колеса обреченного поезда названы *сонмищем*, что свидетельствует о захваченности вечно мира силами тьмы.

Говоря об образах падших ангелов в лирике Набокова, нельзя обойти вниманием стихотворение «Петербург» («Он на трясине был построен...»), где революционные события осмысляются автором в аспекте духовной «вертикали»: *И пошатнулся всадник медный, / и помрачился свод небес, / и раздавался крик победный: / «Да здравствует болотный бес»* [7]. Этот лирический текст, судя по всему, является переключкой с «Петроградом» М. Волошина, созданным четырьмя годами ранее, «по горячим следам» (1917). Одно из различий между стихотворениями состоит в том, что у Волошина бесы охарактеризованы по разновидности соблазна (похоть и гнев), а Набокова – по месту, что соответствует мифопоэтическим представлениям о духах локуса (в данном случае – болотниках). Этот образ «рифмуется» с ранее упомянутым образом *дев, смею-*

чихся на дне моря. Можно полагать, что в стихотворении «Петербург» (а позднее – и в эссе «Николай Гоголь», где писатель снова упоминает «болотных духов», которые локализованы глубоко под городом и «постоянно пытаются вернуть то, что им принадлежит» [6]) славянский демонологический дискурс как бы «встраивается» в матрицу христианской культуры, занимая там определенную нишу.

В стихотворениях Набокова также встречаются заниженные (с точки зрения канонов) ангелические образы: «очеловеченный» – с занозой в пятке, полученной на прогулке в лесу, и пугливым исчезновением при неожиданной встрече с людьми («Об ангелах»); «оживотненный» – дикий, чем-то похожий на павлина *синий сонный зверь* («В раю»); «беспримесно мистический» – вызывающий ужас и отторжение лирического героя *страшный малютка*, по какой-то странной ошибке залетевший в его комнату («Сам треугольный, двукрылый, безногий...»). Этих трех персонажей объединяет то, что они названы ангелами и крылаты – как и именуемый демоном в ранее рассмотренном стихотворении «Слово». В Библии служители Бога являются людям в человеческом облике: «Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег» (Мф. 28: 2–3); «юноша, облеченный в белую одежду» (Мк. 16: 5); «два мужа в одеждах блистающих» (Лк. 24: 4); «два Ангела в белом» (Ин. 20: 12). Как отмечает иеромонах Серафим Роуз, падшие ангелы, напротив, могут показываться в самом разном виде, имея целями соблазнение или запугивание [11]. У приведенных персонажей есть приписываемые нечистой силе признаки: зооморфные детали, синий цвет, уродливость. Их действия направлены на выполнение воли Бога и вообще странны – испуганные исчезновение и метание, сонное лежание. Они вызывают у людей не благоговейный ужас, как при встрече со светлыми ангелами, а любопытство, страх и отвращение. Можно заключить, что эти набоковские ангелы – из категории падших. В рассказе «Удар крыла» (1923) такого рода существо, также именуемое ангелом, выступает в роли инкуба, а впоследствии мистически убивает жертву – молодую обитательницу горнолыжного курорта. В этом же произведении inferнальный соблазнитель (другой, антропоморфный) цитирует отрывки о левиафане и употребляет вышеупомянутую лексему *сонмище*: *Бог... Дело в том, что Он не один; много их, библейских богов... Сонмище... Из них мой любимый... «От чихания его показывается свет; глаза у него, как ресницы зари»* [9,

с. 47]. Под «богами» в рассказе подразумеваются падшие духи и люди, выбравшие путь богоборчества (у каждого – свой), обрекающий их на гибель. Означенная параллель лишней раз свидетельствует об органическом единстве набоковских произведений и об их взаимодополняемости.

Список литературы

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.
2. Библия / Рос. Библио-о-во. М., 2003.
3. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 9–25.
4. Куллэ В. «Демон» Набокова и «Небожитель» Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/kul5-pr.html> (дата обращения: 20.04.2018).
5. Набоков В.В. Другие берега // Его же. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. СПб., 2008. Т. 5. С. 140–335.
6. Набоков В.В. Николай Гоголь [Электронный ресурс]. URL: http://gatchina3000.ru/literatura/nabokov_v_v/gogol.htm (дата обращения: 20.04.2018).
7. Набоков В.В. Стихи [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi.htm> (дата обращения: 20.04.2018).
8. Набоков В.В. Стихотворения // Его же. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 437–643.
9. Набоков В.В. Удар крыла // Его же. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. СПб., 2004. Т. 1. С. 35–54.
10. Николаев С.Г. «Поединок титанов», или О сочетании буквализма и вольности в одном поэтическом переводе // RELGA: науч.-культурол. журн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=151> (дата обращения: 20.04.2018).
11. Роуз С. Душа после смерти [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravoslavie.ru/put/shagi/rose_sad02.htm (дата обращения: 20.04.2018).
12. Федотов О.И. Поэзия Владимира Набокова-Сирина. Ставрополь, 2010.
13. Шаховская З.А. В поисках Набокова; Отражения. М.: Книга, 1991.

* * *

1. Aверин B.V. Dar Mнемозины: Romany Nabokova v kontekste russoj avtobiograficheskoj tradicii. SPb., 2003.
2. Biblija / Ros. Bibl. o-vo. M., 2003.

3. Dolinin A. Istinnaja zhizn' pisatelja Sirina // Nabokov V.V. Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 t. SPb.: Simpozium, 2004. T. 1. S. 9–25.

4. Kullje V. «Demon» Nabokova i «Nebozhitel'» Brodskogo [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/kul5-pr.html> (data obrashhenija: 20.04.2018).

5. Nabokov V.V. Drugie berega // Ego zhe. Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 t. SPb., 2008. T. 5. S. 140–335.

6. Nabokov V.V. Nikolaj Gogol' [Jelektronnyj resurs]. URL: http://gatchina3000.ru/literatura/nabokov_v_v/gogol.htm (data obrashhenija: 20.04.2018).

7. Nabokov V.V. Stihi [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi.htm> (data obrashhenija: 20.04.2018).

8. Nabokov V.V. Stihotvorenija // Ego zhe. Russkij period. Sobranie sochinenij: v 5 t. SPb., 2004. T. 1. S. 437–643.

9. Nabokov V.V. Udar kryla // Ego zhe. Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 tomah. T. 1. SPb., 2004. S. 35–54.

10. Nikolaev S.G. «Poedinok titanov», ili O sochetanii bukvalizma i vol'nosti v odnom pojeticheskom perevode // RELGA: nauch.-kul'turolo. zhurn. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=151> (data obrashhenija: 20.04.2018).

11. Rouz S. Dusha posle smerti [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.pravoslavie.ru/put/shagi/rose_sad02.htm (data obrashhenija: 20.04.2018).

12. Fedotov O.I. Pojezija Vladimira Nabokova-Sirina. Stavropol', 2010.

13. Shahovskaja Z.A. V poiskah Nabokova; Otrazhenija. M.: Kniga, 1991.

Angelic theme in early lyrics by Vladimir Nabokov: thanatological aspect

The article presents the analysis of the angelic imagery in Nabokov's early poems in line with its connection with mortality. It considers the opposition "bright angels vs fallen", their portrait characteristics and functions (protection, meeting after death, introduction to temptation, intimidation, destruction, etc.). The compliance of Nabokov's angelic imagery with the Christian canon is also analyzed in the article.

Key words: *Bible code, metaphysics, opposition, poetry by V. Nabokov, thanatology.*

(Статья поступила в редакцию 18.05.2018)

В.Г. СЕМЕНОВА
(Якутск)

ТЕАТРАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНЕМПОДИСТА СОФРОНОВА

Рассматриваются принципы эстетической концепции первого якутского драматурга и создателя национального театра Анемподиста Софронова, отраженные в его театральном-критических статьях. В качестве основных принципов концепции создания национального театра и драматургии выделены демократичность, народность и реализм. Установлено, что для становления теоретических взглядов Алампы имели определяющее значение программные положения драматурга и реформатора русского театра А.Н. Островского.

Ключевые слова: *концепция, драматургия, театр, эстетика, демократичность, народность, реализм, А.Н. Островский.*

Анемподист Иванович Софронов-Алампа (1886–1935) является одним из основоположников и классиков якутской литературы. Его творчество как вершинное достижение якутской художественной словесности представляет собой целую эпоху в истории национальной культуры.

С именем Анемподиста Софронова связано не только развитие якутской литературы, но и возникновение национальной печати и театрального искусства. Софронов стал основателем профессионального театра народа саха, составителем театрального репертуара, режиссером и первым теоретиком сценического искусства. Писатель стоял у истоков якутской печати: был редактором-организатором первой советской общественно-политической газеты «Манчары» (1921) и литературно-художественного журнала «Чолбон» (1926). В 1920-е гг. Алампа увлеченно занимался общественно-культурной работой: состоял председателем Госкино республики, председателем правления культурно-просветительного общества «Саха омук», председателем общества «Долой безграмотность!», членом Совета по якутской письменности, Литературно-переводческой комиссии, научного общества «Саха кэскилэ» и т. д. В 1924 г. был избран членом высшего органа власти республики –